

Ниджат Мамедов

Из книги «Непрерывность» (2018)

НЕПРЕРЫВНОСТЬ I

6.

Ларисе Дабиже

Не падает чашка, чтоб на два осколка
разбить тишину меж собой и собой. Двигается лишний
испуг балконного голубя после чтения вещи
бильского безумца, который со временем принял другие формы.
Деревья внизу тоже никнут к иным названьям – идет дождь
(как растягивание ударной гласной в твоём имени
через три недели и море. Так глядят на расстоянии,
входя в состояние.) и дождь собирается идти весь день.
Значит, пить чай, курить, вспоминать
смеющийся пепел цветка и карее солнце
в крыльях мертвой пчелы. Чашка продолжает не падать.
Смотреть на тебя
пока ты смотришь на вершину заснеженных гор
сквозь свое ташкентское отражение.
Вращение. Прекращение.

9.

Шамшаду Абдуллаеву

Закат. Гилавар¹ и дрожь базилика. У низкой стены
смуглый старик перебирает четки. Он
отличается лишь эфемерным именем от смерти. В нем,
в его небритом молчании звучит трехголосие: смех первой
женщины,
последние слова бродяги из Шарлевиля и гул крови,
гул медленной крови, гул медленной ровной крови.
К нему приближаются двое сутулых мужчин, наверно, закурить.
Потом все трое уходят.
Улица пахнет пылью и детской беготней
(возможно, это чужая фраза) в теле объявленного ветра –
зигзаг в зигзаге; и все еще пульсирует минута,
когда старик был наедине с собой.
Блатная окраина (тут для предотвращения инерции
требуется какой-то иной, несуществующий знак
препинания, замененный самим
этим предложением), тебе бы понравилось.

¹ Моряна (южный ветер на юго-западе Каспийского моря)

12.

Запах влажной земли.

Октябрь прежде всего

в коже запястий

и сгибе локтей.

Птица парит над поселком.

Голоса в отдалении: женщина, мужчина, женщина.

Вкус тутового варенья...

и непрерывность светлокаштановых, темнокаштановых
чуть широких прямых бровей тюркских девственниц.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ II

6.

Ты обна(ру)жила себя
в поле моего зрения.
У тебя ступни Гаутамы, мой рот
совершил вокруг них оборот.
Дважды в тебя не войти
как в течение чтения,
как в первый стих второй суры.
Поцелуй принесет исцеление, цельность,
опустошит мое сердце, переполненное знанием.
Узор становится всё сложнее и тоньше, но достаточно
стереть его одним движением кисти. Скольжение значений.
Скольжение иглы сознания, игры случая по вмятинам памяти,
что глубиной в твою пропитанную потом тайну,
где мы зазвучим сросшимися голосами:
к чему числа раз всё Едино?
К чему буквы, если Имя Твое не изречь?

7.

Памяти Дж.С., моего деда

Ты закрываешь глаза, позволяя миру отдохнуть от яда
человеческого взгляда,
становясь разгадкой сна,
от которого нет пробуждения.
Утрата в 11:30 утра и птица парит в небе – пернатый крест;
ни спуска, ни восхождения.
У постели читают строго Йасин
и душа покидает тело, как пламя спичку.
Смерть – это когда ты повсюду
(я ставлю тире, вычитывая из вычитания
весь сок объяснения).
Смерть – циферблат без стрелок и цифр,
пустая глазница Вселенной, солнечный шифр.
Смерть – это писать о ветре, читающем листву,
которая переводит воздух.
Ветвление длится даже сейчас, как и прежде,
когда ты давал деревьям в своем саду
напиться вдоволь воды из колодца.
Теперь ты стал космосом, стал корнями,
будучи ими всегда.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ III

10.

Эмину Азизбейли

Смеркается. В чреве вечерней тишины червями роятся мысли «что делать со смертью и после нее»? Перевод смерти в метафоры (например, «справедливость», “ədalət”, “delete”, «удаление») не избавит ни тебя, ни меня от перехода брода. Тление личных местоимений. Загнанный в угол(ь) двигается вверх спиралью вариаций на тему никтоморфного архетипа. Мы – следы типографской краски, резьба по камню. Взаимопроникновение древних возгласов «Да!» и «Нет!» сопровождается отъятием языка. Х остается Х – мужество. Жить – сторожить свою могилу. Tabut. Табу на слово о сексе, слово о смерти, слово о слове. ! укладывают в () как член во влагалище. Что время проделывает с лицом, лицами? – превращает? нет, возвращает «я» в пыль. Последний шум остается за угасанием смерчи ума. Защита помутнением рассудка? Рваное сознание, равное бедной бездне. Но ежеутреннее внутреннее смрити зубов – обнаженных костей – несет усмирение страха смерти, что, в свою очередь, подрывает любые идеологемы, первойшей из коих является двусмысленность. Масса и месса масок, выстраивающихся пестрым веером, не скрывают никакого секрета. С ночного неба готова сорваться спелая слепая луна. Ей свойственно периодически превращаться в треснутую тессеру. Вход оплачен. Открой глаза. Просыпайся. Как песок.

Это нельзя объяснить раз и навсегда, утвердить путем повторения.
 Сначала ты жила «вслух», потом это загнали внутрь.
 Помнишь потерянный рай времен ранних гностиков,
 когда мягкий «Свет упал во Тьму», чтобы состояться как свет? Нет?
 Теперь что-то новое с каждой итерацией.
 Структура дефектов сильно изменилась.
 Для вируса выгодно, чтобы копий
 распространялось как можно больше без центрального очага.
 Теперь подмена, Нармин. Как способ придания смысла своему «я».
 Но ты отклонилась... Существо, пораженное чтением
 (отправленные ему книги были отравлены),
 дарит тебе скромную фразу:
 “Yalnız Zər atan Əllər üçün təsadüf yox, zərurət var”.
 Следы незримого в материи? Ты извлекаешь тайну из канона.
 Вспышка Canon: Гянджа, середина XII века, Мехсети накануне
 отбытия в Герат перерезает струны на музыкальном инструменте
 с трапециевидным корпусом. Кто поведает историю больного,
 в котором плескались темные и немые глубины,
 больного, ставшего лекарем?
 Ключа не найдено. С помощью письма
 от себя не отделаться, не отделиться.
 Даже секс стал средством коммуникации. Еще одна вспышка:
 597-ой год, пятый год правления императрицы Суйко,
 ныряльщик с Исе по имени Тацумаро достает из моря
 статую бодхисаттвы Каннон, единой в 33-х обликах-бликах.
 Мир либо упражнение, либо испражнение. Слух настроен на
 многочасовой трип о жизни и смерти, пафос которого
 в намеренном отсутствии всякого пафоса. Упряжь праджни –
 терпение, смирение, пение. И твой взгляд,
 очищенный от ожидания события. Желаю ему
 никогда не сужаться в ужасе перед черными псами.
 Твоя тень не выходит за границы тела.
 Ты отклонилась. И потому тебя слышат. Потому тебя видят.

20.

Чем сложнее становится система, тем выше вероятность поломки, но порядок, основанный на невинности почти недостижим.

Когда не плывешь по течению, аходишь в поток
(два этих состояния напоминают различие между снегом и дождем, хотя и сам снег бывает очень разный), осознанный как движение от существующего к возникающему, когда шагаешь дальше за чтение, за матрицу алфавита – в *vita* и вдыхаешься в цветок, встреченный впервые не в саду, а в книге, дихотомия искусство/жизнь теряет значение. Нечего объяснять. Нечему поучать. Нечего улучшать.

Избежавшему искушения преждевременной кристаллизации, оставшемуся бесконечно изменчивым, ничего не стоит промелькнуть и исчезнуть как камень, пущенный сильной рукой по водной глади. Знающие утверждают, что бесчисленны способы описаний.

Столь же бесчисленны способы их толкований. При желании можно

переписать описание, а затем переписать переписанное.

И без этого ясно: слово тонко как волос. Но известно также и то, что из тонких женских волос сплетают мосты.

Так и слово служит порой переправой на тот берег.

После чего мост следует сжечь, чтобы рядом сдержав свое обещание, появилась ты.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ IV

15.

Кружение птиц над автопарком. Парки, соткавшие судьбу, что завершится крушением. Митра ритма управляет их полетом. Помнишь, пятилетним срисовывал буквы (латиницу) из книги, пестрящей пернатыми? I am doll, but I have no Idol. Allahı təsəvvür etmək mümkünsüzdür və bu səbəbdən təsviri qadağandır; çoxları nicat yolunu təsəvvüfdə tapır. Зажаты меж небом и землей, словно циркуляция языка от звонких к глухим. Скорее, царь-птица, чем жар-птица. Кирка натрое сказала: «о» или круг, или ноль. Прямо цирк на колесах, разъедающий серебро мозга, крошащий ребра. Кара, навлеченная карканьем Икара. Кровью будешь харкать, сука. Птицы. Их имена. Неотличимы как сны слепых: будто идешь навстречу своему отражению – не знаешь куда, но ты уже там.

Ниджат Мамедов, р. 1982 – азербайджанский поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

Пишет (преимущественно) на русском языке.

Опубликовал четыре книги стихов и прозы. Стихи переведены на несколько языков.

Переводит с азербайджанского, русского и турецкого языков.

За переводы поэзии неоднократно награждался в Азербайджане на премии, в том числе президентские. Участник многочисленных литературных мероприятий, фестивалей и встреч на Кавказе, в Центральной Азии, России, Турции, Европе.